

Святослав Бэла
Поклонник галактики Гутенберга

Мне всегда везло на встречи с замечательными людьми. Как говорится — я правильно выбрал себе родителей, и круг их друзей — людей не только музыки и кино, но и литературы, науки потом определили как классиков, и назвали лицом XX-го века в нашей стране — а, может быть, и не только в нашей. И даже на этом фоне встреч с этими великими и очень известными людьми — для меня знакомство с Константином Сергеевичем было очень важным и значимым.

Мой папа дружил с Верой Александровной Давыдовой и ее супругом — знаменитым басом Владимиром Семеновичем Мчедлидзе. Конечно, эта дружба началась еще в Москве, и я помню, когда я был еще совсем малышом, Вера Александровна приезжала к нам, после «Кармен», из Большого театра, иногда даже не окончательно сняв грим, собирались гости...

А потом родители впервые привезли меня в Тбилиси. Очень хорошо помню Тбилисские улицы, храмы, особенно Светицховели. Но особенно хорошо помню Джвари — одно из сильнейших детских слуховых впечатлений, которые всегда невероятны. Помню, как Михаил Семенович своим роскошным, мощным басом запел в этом храме, и его голос заполнил все пространство.

Тбилиси всегда отличался особым гостеприимством. Там всегда любили вспоминать фразу Николая Тихонова о том, что «...чем была для романтиков Италия, стала для нас Грузия». При этом я воспринимал Грузию не только через музыку, но и через поэзию — не только классиков, но и современных поэтов, моих старших современников — Бэлы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, тех, кто обожал Грузию...

И наконец, в один из приездов в Тбилиси, меня познакомили с Константином Сергеевичем Герасимовым. Сказано было

у Бунина — правда об отношениях с женщинами — «Это был солнечный удар»? В нашем же случае это было мгновенное ощущение «Мы с тобой одной крови — ты и я...» Мало того, что это было удивительное впечатление — когда идешь по современному Тбилиси, и вдруг словно возникает провал во времени, словно какая-то машина времени переносит тебя в совершенно другие эпохи... В Константине Сергеевиче для меня очень многое сошлось, совпало. Ведь мой отец, помимо того, что он был ученым-энциклопедистом, был увлеченным библиофилом... И эту высокую болезнь — библиофилию — я унаследовал в полной мере. И Константина Сергеевича — это было очевидно при первом же знакомстве — отличала эта высочайшая и знаковая культура. Такая культура не достигается одним поколением, она, как английский газон, должна быть возвращена и взлелеяна не в один год, не в одно поколение.

Мне думается, что мало кто допускался в этот дом — чтоб не мешать высоким занятиям и размышления Мастера... Обстановка этого дома произвела меня совершенно восхитившее меня впечатление. Это была картинка из XIX-го века, из книг Анатоля Франса — прекрасный и завершенный образ библиофила и эстета. Это проявлялось во всем — в обстановке крайне скромной, но где главенствовали книги, его уникальная библиотека, причем на разных языках. Там были настоящие библиофильские раритеты. Уж это я мог определить точно, ведь был подготовлен семейной традицией...

Главный образ, который возникает у меня при воспоминаниях о Константине Сергеевиче — это он сам в своем жилище, в своем библиофильском мире, где царствовали книги и коты. Тот же Анатоль Франс писал, что настоящего библиофила узнаешь по тому, как он берет книгу в руки, как гладит ее шагреновый переплет, как он вдыхает запах типографской краски, как он рассматривает гравюры в книге. Редко у кого я встречал такое уважительное отношение к книге, как у Константина Сергеевича. Он гордился своим собранием — и было, чем гордиться. Он был настоящим, убежденным «поклонником галактики Гутенберга». С какой гордостью он демонстрировал мне отдельные экспонаты своего книжного собрания...

С ним было невероятно интересно. Говорить можно было абсолютно на любые темы, и его манера общения была удивитель-

ной. Здесь была значительность личности, которая никак не подчеркивалась. Я потом много раз убеждался, что это свойство — именно больших людей, больших художников, по-настоящему масштабных личностей. Кичливостью отличаются посредственности, которые таким образом создают вокруг себя некую волну, ложный ореол, а люди настоящие — как правило, очень скромны. Например, одним из самых главных везений в своей жизни я могу считать встречи и дружбу с Грэмом Грином. Он уже был признан абсолютным классиком, имел десять номинаций на Нобелевскую премию, был человеком с абсолютным мировым именем. И при этом чрезвычайно скромным. Он, естественно, не всех допускал в свой круг, но уж если допускал, то общение было очень интересным и трогательным. И то же самое было с Константином Сергеевичем.

Николай Гумилев писал о себе: «Я вежлив с жизнью современной...» Константин Сергеевич тоже был «вежлив с жизнью современной»... Но все же чувствовалось, что он откуда-то из другой эпохи... Я бы прекрасно представил бы его и в век Серебряный, и даже в век Золотой российской культуры. Мне кажется, он бы и там не потерялся. Он обладал удивительным Знанием — с большой буквы — которое ему было дано не только в силу его глубочайшей образованности, но было почерпнуто из генетической памяти.

Интеллигент в первом поколении заслуживает всяческого уважения, а интеллигент потомственный — заслуживает уважения многократно. Много позже я узнал, что Константин Сергеевич — потомок декабриста, сосланного в свое время на Кавказ... Но порода, которая никак не выпячивалась, которая была облечена в невероятную скромность — она все время чувствовалась. То же есть и в моем добром друге, Петре Петровиче Шереметьеве, который живет в Париже. Не надо смотреть на визитную карточку, чтобы понять, что перед Вами — граф, человек голубых кровей... Все ясно по его внешности, по его поведению... И Константин Сергеевич, с его удивительной внешностью, с его проникновенной манерой говорить — всегда привлекал внимание.

Скоро я узнал, как его обожают его ученики — студенты Тбилисского университета. И мне стало ясно, за что они его обожают. Он был не только увлекательным рассказчиком... Он был

книгочеем самого высокого чекана — эрудиция его была беспредельна. На фоне все углублявшегося упадка культуры в нашей стране, да и во всем мире — он оставался пришельцем из эпох более культурных.

Мне даже жаль, что Константин Сергеевич, как и, например, знаменитый пушкинист, профессор Сергей Михайлович Бонди, так много времени уделял педагогике, и — выговаривался в этом процессе. Думается, если бы он больше времени провел за письменным столом, ему и как поэту, и как ученому еще многое удалось бы нам сказать. Как человек глубочайшей эрудиции и высокой книжной культуры, он очень «глубоко копал», вгрызался в проблематику интересующих его вопросов — это было очевидно даже на материале сонета, или «сонетологии».

Кстати, возможно, в какой-то мере сам я заинтересовал Константина Сергеевича, который был одержим сонетами, устраивал «сонетные конференции», тем, что к моменту нашего знакомства я написал предисловие не только к пьесам Шекспира, но и к сборнику сонетов Шекспира в переводе Самуила Яковлевича Маршака. Теперь мне это кажется более дерзким, чем тогда, когда я был еще достаточно молодым критиком, литературоведом, и членом союза писателей. Но, видимо, Константину Сергеевичу понравились эти мои предисловия, и у нас завязалась дружба и переписка.

Кстати, почерк у него был особенный — ведь и сам он был человеком особенным... Мне довелось многократно встречаться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который был дружен с моими родителями, и потом, как и Иракий Андроников, Иван Козловский, Виктор Шкловский и многие другие, перенес на меня свои дружеские чувства. Так вот, Дмитрий Сергеевич Лихачев выработал для себя почерк, несколько стилизованный под летописи... У Константина Сергеевича тоже почерк был своеобразный и тоже несовременный. Таким почерком можно было бы создавать рукописные книги. У меня до сих пор хранятся его открытки, книги с автографами...

Я был участником одной из «сонетных конференций», которые устраивал Константин Сергеевич. Но все же говорили мы с ним не только о поэзии.. Например, много говорили об Александре Дюма, я тогда очень увлекался его творчеством, писал предисловие к «Трем мушкетерам»... И он к этому относился с большим интересом.

Сейчас мы живем во время суррогатов и подделок, имитаций — имитации талантов, имитации гениальности, попыток имитации культуры, в эпоху «попсы». «Попса» есть не только в музыке, но и в литературе, и даже в архитектуре, что особенно печально, поскольку это наиболее долговечный «жанр». И на этом фоне особенно надлежит ценить настоящее. Так вот, Константин Сергеевич был образцом именно такого — настоящего, одержимого ученого-филолога. И при этом в нем совмещались ученый и поэт — у него была тонкая поэтическая натура, и это очень важно, поскольку эрудиция ученого помогала ему в его поэтическом творчестве, а поэтические озарения, наверняка, помогали в его литературоведческой и критической деятельности.

Это прекрасно, что не «распылилась» его библиотека — или, во всяком случае, сохранилась «крупными частями» — в Патриархии и Национальной публичной библиотеке Грузии. Было бы безумно жаль, если бы его библиотека разошлась так же, как, например, библиотека Сергея Наровчатого, которую он собирал страстно долгие годы, а после его смерти она была просто распродана. Было бы замечательно сделать опись библиотеки Константина Сергеевича. И издать ее — и это тоже был бы очень выразительный портрет Константина Сергеевича. Ведь когда мы смотрим в указателях список библиотеки Пушкина, например, то понимаем, что Александр Сергеевич прочел намного больше книг, чем было у него в библиотеке. Но все же все эти указатели очень многое дают, особенно когда там учтены маргиналии, описаны «отметки резкие ногтей», как у Пушкина.

Конечно, прекрасно было бы сохранить его библиотеку в его доме — это был бы один из славных музеев. Для студентов, даже при отсутствии хозяина — витал бы его дух... Впрочем, конечно, ситуация эта маловероятна.

Я понимаю, что мы пережили сложнейшие времена. Это происходило не только в Грузии, но и в России. У нас довольно долго было крайне сложно гуманитариям, я помню, как профессора, доктора наук получали нищенскую зарплату, видел, как бедствовали люди самого высокого ранга, великие ученые. Слава Богу, эти времена прошли. А в Тбилиси, несомненно, это было еще более ощутимо, более болезненно. Тем более, что до филологии, к сожалению, дело доходит далеко не в первую очередь

при таких социальных сдвигах, которые нам пришлось пережить.

Так бывает — и нередко — что к большим людям, исследователям, ученым слава приходит посмертно, с опозданием. Нельзя сказать, чтобы ему воздали должное при жизни. По моему глубокому убеждению, может быть сейчас, когда издается эта книга — облик Константина Сергеевича будет вырисовываться все более подробно, и, наконец, ему воздастся должное и в Грузии и в России. В моем представлении, Константин Сергеевич Герасимов — одна из знаковых фигур своего времени. И особенно важно, что он оставил после себя школу. Его ученики сохраняют ему преданность, преданность его памяти. Уверен, что те знания, любовь к филологии, изящной словесности, которую он привил своим ученикам, сохранятся, и будут передаваться из поколения в поколение...